

18+

Александр Фёдорович
Никонов

Последний фронтовик

Александр Никонов
Последний фронтовик

«Издательские решения»

Никонов А. Ф.

Последний фронтовик / А. Ф. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748565-8

В сельском поселении готовятся к празднованию Дня Победы, но оказывается, что последние фронтовики или умерли, или уехали к родным. Какой же праздник без живых свидетелей страшной войны. Но, оказывается, на полузаброшенном кордоне живет старик, который будто бы воевал, но не хочет в этом признаваться...

ISBN 978-5-44-748565-8

© Никонов А. Ф.
© Издательские решения

Последний фронтовик

Александр Фёдорович Никонов

*Светлой памяти отца-фронтовика,
прошедшему дорогами войны
от Москвы до Прибалтики, и тех,
кто уже не встретит очередной Великий
праздник ПОБЕДЫ.*

© Александр Фёдорович Никонов, 2021

ISBN 978-5-4474-8565-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Председатель Чернянского сельского поселения Виктор Герасимович Хеттэ, в которое входили два села, леспромхозовский посёлок и заброшенный кордон, пришёл на работу рано, с петухами. Октябрьский морозец взбодрил его и потому, когда он зашёл в свой кабинет, размещавшийся в бывшей совхозной конторе, и включил свет, то первым делом крикнул от удовольствия, разделся, перчатки положил на батарею отопления, заодно проверив, как топят в котельной. Топили еле-еле. Сел за стол, поглядев на высокую стопку вчерашней корреспонденции, которую он не успел просмотреть накануне.

Председателем Виктор стал совершенно случайно. Полтора года назад он работал в райцентре главным механиком в шарашкиной конторе под названием ООО «Ремсельхозтех». Хозяева и директора здесь менялись чаще, чем перчатки на холёных руках бывлой знати. В конце концов, из-за этой кадровой неразберихи, неуёмной жадности и воровства начальства контора постепенно зачахла и почилла в бозе. Два месяца он, словно борзой шенок, бегал по частным и государственным предприятиям, пытаясь найти хоть какую-нибудь работу, но всё было напрасно. Жена, которая раньше положенного срока ушла на пенсию, однажды не выдержала:

– Вот что, дорогой, хватит на поклон к этим новым засраным господам бегать. Ты же знаешь, что у меня в Чернянке дом от родителей остался. Поедем жить в деревню. Там у нас огород большой – почти сорок соток, картошку, овощи сажать будем. С голоду не умрём.

– И что я там делать буду, – возмутился супруг, – коров пасти?

Жена насильно усадила его на стул и зашептала:

– Я недавно с Ленкой Петуховой созванивалась. Помнишь её? Ну, одноклассница моя, которая в лужу грохнулась, когда мы на мамином юбилее гуляли.

– Как такое забудешь, у неё ещё труссы зелёные, – подъял супругу Виктор.

– Тебе бы всё под чужие юбки заглядывать, паразит ты эдакий! Я ему о деле толкую, а он чёрт знает о чём. В общем, там новые выборы председателя поселения затеваются.

– Я-то здесь причём.

– А притом! Никто не хочет на это место идти. Прежний председатель проворовался и смотался в область, а другие что-то не очень стремятся этот насест занять.

– А почему? – удивился Виктор.

– Потому что хлопот много, а навару мало.

– Подожди-подожди, а чего ж тогда прежний председатель воровал, если, как ты говоришь, воровать нечего.

– То другое дело. В Чернянку выделили деньги на газовый переход через речку, председатель отчитался, что сделал. Четыре бревна вкопал, а денежки присвоил. Вот так-то.

– И не посадили этого коррупционера?

– Да кто ж начальников сажает, глупой ты! – Супруга больно ткнула пальцем ему в лоб. – Штрафанули на пять тыщ, выговор вlepили да прогнали.

– И что, не находится претендентов на это тёплое место?

– Ленка говорит, есть один. Только он тебе не соперник. Пашка Колымашкин, дак, он больной на обе головы, его вряд ли люди выберут.

– У него что, две головы?

– Ага, одна на плечах, другая между ног, вот второй-то он больше думает.

Виктор расхохотался так, что чуть не опрокинулся со стула. В это время в квартиру вошёл сын-студент.

– Предки, чего это вы ухохатываетесь?

Вместо ответа супруга показала пальцем на сына и закричала:

– Во, и ещё одну проблему решим – у Гераськи своя жилплощадь будет, когда институт закончит и женится. А ты ржёшь, как жеребец. Я тебе дело предлагаю.

После семейного совета всё-таки решили попробовать ввязаться в выборы. Правда, Виктор поставил условие:

– Переедем в деревню, если выиграю. Точка!

И вот он выиграл. Председатель любил в своей работе именно эти утренние полтора-два часа, когда не было суеты, и никто не мешал. С началом рабочего дня начиналась суета, крики, требования, бесконечные жалобы, поездки, обходы. И так до позднего вечера, когда другие сельчане уже наотдыхались, нагулялись и ложились спать. Хеттэ считали хозяином, у него было много прав, полномочий и обязанностей, не было главного – денег, этого проклятушего инструмента воздействия на жизнь его вотчины. А кто такой хозяин без денег? Да никто – ноль без палочки! Кладбища обустроить и привести в порядок – ограду поправить, дорогу от снега почистить – надо? Надо. В школьные столовые вовремя продукты, а в участковую больницу лекарства подвезти надо? Надо. В котельной только один котёл работает, на другой труб не хватает. Трубы надо? Надо. И так далее, и тому подобное...

В корреспонденции счета, счета, счета. За газ, за электричество, за холодную и горячую воду. Из соседнего села просьба прислать электрика и газосварщика. Из районной администрации требование об исполнении их прошлого указания по подготовке к зиме. Хозяин он или не хозяин? Он, глава поселения, сам знает, что надо сделать в первую очередь, а ему из всех инстанций «указивки» шлют. По старинке работают, как в советские времена. Так, а это что за письмо? Из Совета ветеранов. Ага, просьба прислать на торжества участников Великой Отечественной войны, которые защищали Москву. Что же это за дата? Ага, семьдесят лет битвы под столицей. Не забыть бы.

Пока Виктор Герасимович делал пометки в откидном календаре и в своём рабочем блокноте, проворчала входная дверь. Кто бы это, вроде бы рано. Шаги, шорох, песенка под нос про какого-то чудилу-мазилу. Скрип дверки кладовой, звон ведра. Ага, это Тоня Борисова, его секретарша, она же по совместительству курьер и уборщица, по документам значившаяся техническим работником. Работящая женщина, везде и всегда успевает, потому и взялась сразу за три работы, чтобы подзаработать для своих детишек и прокормить мужа-лоботряса.

– Тоня! – крикнул Виктор Герасимович.

Из-за двери ойкнули, потом приоткрыли дверь. Весёлая рыжая мордашка кивнула:

– Здрасьте, Виктор Герасимыч. Вы уже здесь? А я и не заметила.

– Здравствуй, здравствуй, Тоня. А ты чего так рано?

– Да вот убраться решила – вчера не успела.

– Да ты войди, что ли, что мы через дверь разговариваем.

Тоня вошла, оставив швабру в приёмной, прислонив её к стене.

– Садись, – пригласил председатель. – Разговор есть.

Тоня была в коротком рабочем халатике, она села, сдвинув голые колени и прикрыв их руками.

– О чём поговорить, Виктор Герасимыч? Вроде, всё переговорено.

– Ты же знаешь, что я тут недавно начальствую, – с горькой усмешкой начал он. – А ты всех людей знаешь. Ты ведь коренная, местная?

– Ага. И родилась здесь, и школу нашу закончила, только в техникуме в районе проучилась и снова сюда. А в чём дело-то?

– Тут вот нам письмо из Совета ветеранов пришло. Приглашают на юбилейную встречу участников битвы под Москвой. Скажи, есть у нас такие?

– Ага, понятно, – тряхнула рыжими кудряшками Тоня. Она откинулась на спинку стула и стала вспоминать: – Так, на прошлый день Победы мы разносили фронтовикам подарки и расслали пять приглашений. Пришли трое: Гаврила Гаврилыч Тумаков, потом, Владимир Сергеич Вешнев и... и дядя Стёпа Молочайкин. Двое не пришли – болели. Это дядя Кирьян Махоткин и дядя Миша Торопов. Это все.

– А кто из них под Москвой воевал?

– Этого я не знаю, – почему-то с обидой, поджав губы и передёрнув плечами, ответила Тоня. Оживилась: – Дядя Стёпа Молочайкин, сосед наш, совсем уехал из села.

– Почему?

– Так, он совсем один остался. Жена его, тётя Клава, три года назад померла, – трещала Тоня. – Анатолий, сын его, звал его к себе, в город, но он никак не хотел уезжать, говорил – привык. Как, мол, я буду на чужих людях жить.

– И что же?

– Уговорили всё-таки. – Тоня почему-то понизила голос. – Говорили, что из-за квартиры. Сын его младший, Анатолий-то, в двушке в городе живёт, а их самих шестеро, ютятся по углам. Даже, будто, кухню свою под спальню приспособили. Вот как!

– А отец-то причём? – недоумевал председатель.

– Как причём! Ведь фронтовикам сейчас для улучшения бытовых условий бесплатные квартиры обещают. Если он фронтовик, значит, ему квартиру дадут.

– Так, у него же есть дом в нашем селе, как же ему дадут.

– Ну, это уж я не знаю, – ответила Тоня. – Крутят чего-то. А иначе, как сейчас жилплощадь расширить. Бесплатно не дают, а за денежки попробуй-ка купить – если ипотеку брать, так полжизни, а то и до самой смерти, в кабале ходить будешь. А они, Молочайкины, все простые работяги, на их зарплаты не то что квартиру, сарай не купишь.

Виктор Герасимович задумался: так и есть, голая народная правда – собственное жильё приобрести сейчас трудно. Ладно, москвичи или питерцы – у них зарплаты хорошие, если не накопить, то в ипотеку можно квартиру взять. А на селе? Во-первых, работы почти нет, половина работоспособных жителей на пособиях по безработице живёт. Хитрит каждый по-своему, лишь бы выжить. Мужик уезжает подрабатывать в город, поработает полгодика, а потом возвращается и предъявляет на биржу труда справку о зарплате: вот, мол, мне пособие положено. На то год и держатся. Зато с семьёй вместе. Жены в отсутствие мужей дома с детьми сидят, хозяйство содержат.

А те, у кого и работа есть, тоже еле выживают. Зарплаты – только в микроскоп рассматривать. Например, медсёстры в больнице по три восемьсот получают. Та же Тоня: оклад у неё четыре триста, курьером подрабатывает – доплата тысяча восемьсот, да ещё уборщицей – две четыреста. В сумме чуть больше восьми тысяч, а на эти деньги надо мужа-дармоеда прокормить и двоих детей. Да и муж дармоедом не по своей воле стал. Работал помощником агронома в совхозе, который благополучно развалился.

Председатель оторвался от раздумий, спросил Тоню:

– Так, а другие фронтовики?

Тоня сидела, почему-то раскрыв рот.

– В чём дело, Тоня?

– Да я вот только сейчас подумала, почему я дядю Кирьяна Махоткина и Владимира Сергеевича Вешнева, бывшего директора нашего совхоза, давно не видела.

– Ну, мало ли, может, приболели старики.

– Нет, если бы они болели, то я знала бы – у меня свекровь в больнице медсестрой работает.

– А другие? – не отставал Хеттэ.

– Гаврила Гаврилыч ещё в начале лета помер, сразу после праздника победы. А дядю Мишу Торопова дочь совсем недавно в областной центр увезла.

– Зачем?

– Так, он совсем плохой стал в последние месяцы. Юля-то, дочь его, сначала каждую неделю за сто километров к нему мыкалась – не хотел он уезжать, а потом и совсем слёг. Уж и не знаю, жив ли, – добавила Тоня. – Наверно, ещё живой, если бы помер, так в селе давно бы знали.

В этот момент в приёмной раздался стук каблуков. Дверь отворилась.

– Можно войти, Виктор Герасимыч? – спросила бухгалтер Петухова, почему-то косо поглядывая на Тоню, сидящую на стуле. – Здравствуйте. Здравствуй, Тоня, – отдельно поприветствовала она секретаршу-курьершу-уборщицу.

– Чего спрашиваешь, Елена Павловна, входи. У меня как раз к тебе дела есть. – Он подвинул на край стола стопку документов. – Вот, оплатить по счетам надо и разобраться с тарифами на воду. Да, и не затягивай с отчётами за третий квартал, а то мне районная администрация уже всю плешь проела с ними.

– Хорошо, сделаю. Ещё что-то, Виктор Герасимыч?

Председатель подумал:

– Да, ты присядь-ка, нам тут с фронтовиками разобраться надо.

– С фронтовиками? – с недоумением переспросила бухгалтер, устраиваясь на стуле. – А чего с ними разбираться, их никого у нас не осталось.

– Как, не осталось! – удивился председатель. – Вот, Тоня говорит – есть ещё фронтовики.

– Точно, точно знаю – никого не осталось, – заверила Елена Павловна. – Мы восей-ко с мамой чаёвничали, так она всё горевала, что фронтовиков не осталось, как, мол, мы без них теперь праздники победы встречать будет. Ведь, почитай, пустой праздник-то будет. Это как, ровно свадьба без жениха с невестой. Дядя Миша Торопов совсем плохой стал, в последние недели даже с кровати не вставал, под себя ходить начал, вот его дочь и увезла к себе.

– Это мы знаем, – прервала Тоня. – И про Гаврилу Гаврилыча знаем, и про дядю Стёпу Молочайкина. А что же с Вешневым и с Махоткиным? Они-то, вроде, ещё живые и никуда не уезжали.

– Как же, дядя Кирьян тоже при смерти лежит, про себя ничего не помнит. К нему внучка приехала, ухаживает за ним. Говорят, что он свою квартиру на неё отписал.

– А Владимир Сергеич? – спросила Тоня. – Он ведь ещё бодрячок старик.

В этом месте Елена Павловна расхохоталась, согнувшись пополам:

– Ой, не поверите! Наш Владимир Сергеич жениться решил.

– Жениться? – удивился Виктор Герасимович. – Да сколько ему лет-то, если его на женитьбу потянуло?

– Он с двадцать седьмого года. На фронт шестнадцатилетним попал. Вот и считайте.

– Выходит, восемьдесят четыре в этом году исполнилось, – быстро подсчитал председатель.

– Во-во, девятый десяток старому дураку, пора о погосте думать, а он туда же – жениться. – Елена Павловна оглянулась на дверь и понизила голос. – Вы ведь знаете тётю Веру Космынину – известная сводница. Так вот, однажды приходит она к Владимиру Сергеичу и давай ему в ухо вдвухать: ты, мол, бездетный, одинокий совсем, года у тебя преклонные, скоро совсем без сил останешься; кто тогда за тобой ухаживать станет; да и домино твой пропадёт. А у меня, мол, знакомая в городе есть, она тебя примет, как сыр в масле будешь кататься. А ты, мол, ей дом отпишешь – ведь если помрёшь, государству достанется. Вот Владимир Сергеич и согласился. Неделю уже, как переехал.

– Как же так, а почему я об этом не знала, – разочарованно протянула Тоня. – И народ ничего не говорил.

– А они всё втихую состряпали, – ответила бухгалтерша. – Да, и самое главное. Вы знаете, сколько лет невесте-то? – На немой вопрос сама же и ответила: – Сорок восемь. Почти на сорок лет младше, считай, во внучки годится. Какова жучка? Выгодного жениха прибрала. И дом прихватила, он кирпичный, просторный, со всеми удобствами, считай, миллиона полтора стоит. Да и сбережения у старика наверняка хорошие есть, ведь он, как фронтовик, тысяч восемнадцать пенсию получал.

– А ты, никак, завидуешь, – поддела Тоня.

Бухгалтерша взвилась:

– Чего это мне завидовать-то! У меня, слава богу, муж есть, двое детей. Или мне со стариками в свиданки играть! Скажешь тоже.

В это время в дверь снова постучали. Дверь приоткрылась, между дверью и косяком появилась голова шофёра председателя, которая сказала:

– Доброго утречка всем. Виктор Герасимыч, бензин на заправке не отпускают, а у меня бак пустой. Что делать?

– Почему не отпускают?

– Говорят, что ещё за прошлый месяц с ними не расплатились, – ответил шофёр, косо взглянув на бухгалтершу.

Председатель спросил Петухову:

– У нас деньги-то на счету есть?

– Малость остались, – ответила Елена Павловна и встала. – Я вмиг переведу, не такая уж и большая сумма – около восьми тысяч.

– Сделай, пожалуйста, а то мне завтра на совещание в область ехать. Сегодня как-нибудь обойдусь.

Бухгалтерша вышла, а Тоня плаксиво пожаловалась:

– Ну, вот, снова не успела убраться.

– Ничего, Тоня, вечером уберёшься. – Через паузу: – Да, плохо без фронтовиков-то. Праздник будет, а чествовать некого.

– Так, у нас много есть таких, кто воевал, – вставила Тоня. – Может, их?

Хеттэ нахмурился:

– Кого ты имеешь в виду?

– Ну, как же! Вот, дядя Толя Шамшин. Он тоже воевал, у него даже медаль какая-то есть.

– Тоже фронтовик?

– Нет-нет, он в другом месте воевал, в Чехословакии, кажется. Танкистом был. Он моему отцу такие страшные вещи рассказывал, ужас просто. По живым людям ездили, а потом из траков человеческие кости выковыривали.

– В Чехословакии, говоришь?

– Ага. А ещё у нас двое афганцев есть, у них тоже ордена и медали, трое или четверо в Чечне были.

– Ну, ладно, Тоня, ты иди.

Оставшись один, Виктор Герасимович долго раздумывал над словами секретарши: считать ли фронтовиками Анатолия Шамшина, афганцев, «чеченцев». Ведь он по возрасту тоже мог бы стать афганцем, гоняться за «духами», оборонять перевал Саланг или просто погибнуть в чужой стране, да бог миловал. Наверно, должно пройти время, чтобы и этих парней начали считать фронтовиками. Больно уж непопулярными были эти странные войны. А разве солдаты виноваты, что правители решают всё за них и гонят на бойню. Афганистан – какого чёрта искали там, непонятно. Территорию? Так, нам и своей девать некуда. Славы? А нашли бесславие – пришлось тикать оттуда. Или Чечня. Ведь это своя, российская территория, выходит, сами с собой воевали. Про Чехословакию и говорить нечего – чужая страна, чужой народ. Пусть бы сами разбирались со своими политиками.

2

Ефим Егорович Шереметьев, одинокий старик, доживающий свой век на лесном кордоне бывшего леспромхоза, который развалился лет пятнадцать назад, снялся со своего насеста (так он называл свою кровать), взял в руку клёновую палку, приспособленную вместо трости, и похромал в прихожую. Что-то бормоча под нос, нагнулся, снял с алюминиевой кастрюли, стоящей на полу, крышку, понюхал, пробормотал:

– Скисло всё-таки.

Поставил кастрюлю на стол, сел. Руками брал из неё куски мяса, обгладывал кости и снова отправлял их в кастрюльку. Вытер засалённой утиркой рот, прямо из носика чайника попил и сказал:

– Вот и гоже.

Посмотрел на настенные часы: десять семнадцать. Услышал с улицы визг.

– Ишь, тоже жрать хочет. Счас, счас.

Обулся в валенки, надел коричневую, защитного цвета, фуфайку, кожаную кепку, взял со стола кастрюлю и открыл дверь. Пахнуло холодом – сегодня впервые подморозило. Но лес, обступивший кордон, ещё не сдавался – зеленел, шелестя подмороженной листвой. Лишь под-рост кое-где отцветал осенними красками, словно напоминая, что и его старшим товарищам скоро настанет пора цвести осенним разноцветьем и скидывать листву. Прошёл через сени, вышел на крыльцо. Навстречу старику бросился чёрный кобель, кинулся хозяину на грудь, норовя лизнуть в лицо.

– Ну-ну, с ног не сбей, бешеный! Что, соскучился, или жрать захотел? Чего больше-то? Да погоди ты, Жучок.

Ефим Егорович спустился с крыльца, вылил подкисший суп в большую миску. Жучок вылакал сначала жижу, облизнулся, а затем принялся за кости. Придерживая их лапами, он дробил их клыками и глотал.

Старик сидел на приступке, курил сигарету и смотрел на улочку из семи домов и двух давно опустевших бараков. Из двух труб столбами вился дым, улетаая к верхушкам сосен, а затем переламывался лёгким ветерком и уносился на юг. Когда-то на кордоне было два цеха. В одном точили черенки для лопат, грабель, мётел, в другом делали сани, гнули дуги и заготавливали клёпки для бочек. В середине девяностых годов промысел порушился, леспромхоз развалился, работники, у которых были «запасные аэродромы» в других местах, уехали. Остались, как говорил Ефим, две с половиной семьи: супруги Игнашкины с двумя детьми, старый рамщик Геннадий Максимович Трухин со своей старухой да сам Ефим.

Покурив, он поднялся со ступени и пошёл в дом. Прежде чем зайти в избу, потрогал стоящее в сенях на подведернике ведро – воды нет. Потрогал фляги – тоже пустые. Что-то недовольно пробурчал под растёкшийся блином нос, вернулся. На жердине, у крыльца, на вершине которой торчал уже опустевший скворечник с прибитой берёзовой веткой, была намотана красная тряпка. Старик снял с неё две завязки, аккуратно положил в карман и развернул

флаг, сделанный из старой наволочки, потянул верёвочку – и флаг полез к скворечнику, нехотя встрепенулся и затрепетал на ветру.

Ефим Егорович вернулся в сени, за чуланом набрал по счёту беремья поленьев – ровно пять, и пошёл в избу. Сбросил их на прибитый к полу жестяной половичок, придвинул к голландке коротконогую табуретку, сел, опираясь на палку. Придвинул мятое ведро, совком выгреб из подпечка золу с угольками и стал укладывать в хайло поленья: одно поперёк, остальные на него. Смял в комок старую газету, подсунул её под поленья и поджёг спичкой. Огонь нехотя облизал дерево и перекинулся на поленья, разгораясь всё жарче и жарче, и скоро костёр затрещал. Дым сначала полез в избу, потом свернулся сизым клубком и нехотя потянулся в ворон. Пламя загудело. Старик палкой стал потихоньку закрывать задвижку до тех пор, пока пламя не успокоилось, затем закрыл дверцу. Так-то оно лучше, теперь жар не вылетит в трубу вместе с дымом, а начнёт делать свою главную работу – калить кирпичи, которые и наполнят избу уютным теплом и смоляным духом.

Старик поднялся с хрустом в коленях, подошёл к отрывному численнику, над которым висел красочный портрет святого Серафима Саровского, вырезанный из какого-то журнала, оторвал от похудевшего календаря листок. Сегодня 29 октября. Число было обведено красным кружком от фломастера. Значит, сегодня праздник, его личный праздник. Даже не праздник, а второй день рождения, когда он в этот день сорок первого года вместе со своими фронтовыми товарищами чудом избежал плена и расстрела: и от фашистов, и от своих. А ведь потом были и третий, и четвёртый дни рождения.

Снаружи послышался звук мотора. Ага, подъехал его помощник, Игнашкин Слава. Золотой парень: работающий, приветливый и вежливый, мастеровитый. Если бы не он... Когда леспромхоз развалился, и все, кто жил на кордоне, стали отсюда «сваливать» в поисках лучшей доли, Вячеслав сказал родителям: «Нет, я не поеду, здесь останусь. Что я буду делать в городе – по квартирам скитаться? А тут я в своём доме». Мать с отцом долго уговаривали, обещая подыскать ему и его жене, Зое, хорошую работу, но Слава стоял насмерть, как сталинградец. Жена тоже по ночам начала подшёптывать: мол, давай уедем, на что муж ей ответил: «Останемся здесь. У нас двое короедов, воспитывай их, дом содержи, а моё дело деньги зарабатывать. Или я не мужик!» Так и остался на безымянном кордоне под номером три, служил сторожем за три тысячи рублей в месяц. Сначала Вячеслав хотел разводить кур, но потом, подумав, отступился от своей задумки. Куда девать кур и яйцо, если этими продуктами сейчас все магазины и рынки завалены. Построил две теплицы, отапливаемые печурками, стал выращивать на продажу зелёный лук, ранние огурцы и помидоры, которые на рынке нарасхват брали.

Нужна была техника. Слава пошарил по брошенным домам, по свалкам позади цехов и «сотворил» из металлолома громозека, как он назвал свою чудо-машину. Собран был этот громозек так: двигатель, шасси и коробка передач от мини-трактора, кузов от старого мотороллера «Муравья», кабина от «Москвича 402», колёса от заброшенных в соседнем колхозе сеялок. Без глушителя этот трактор трещал так, что закладывало уши. Наверно, потому и получил он прозвище громозека. А затем от полученных доходов купил Слава подержанную «семёрку»-пикап.

... Дверь отворилась, и в избу вошёл парень лет тридцати: в фуфайке, в кирзовых сапогах и треухе, уши которого были завязаны сзади.

– Здорово, дядя Ефим.

– Здравствуй, Слава. Проходи.

– Да некогда мне рассиживаться-то, дядя Ефим. Клиентура ждёт. Мне сегодня ещё две ходки надо сделать, – охотно делился Слава своими заботами. – Тут один куркуль из города заказал мне пять кубов дровишек для своей баньки. Да не каких-нибудь, а черёмуховых, ольховых, кленовых, чтоб для приятного духу, значит. Хорошие деньги обещал.

– И где же ты столько возьмёшь, лес-то рубить не жалко?

– Я ж не изверг, дядя Ефим. После прошлогоднего ледяного дождя в лесу столько дров наломало, что только не ленись – подбирай. Раньше хоть лесники были, санитарную рубку делали, а сейчас всё гниёт, преет, и никому до этого никакого дела нет. А я гляжу – ты свой флаг бедствия вывесил, – продолжал Слава. – Думаю, надо заехать, узнать. Ты, дядя Ефим, не стесняйся, говори, что надо.

– Да вот, вода у меня закончилась, сынок.

– Ну, это разве беда! – воскликнул Слава. – Сейчас же привезу – делов-то на плевок. Я на грomezеке мигом домчу. Фляги-то хватит?

– Хватит, хватит. Куда мне её, не в бассейн же наливать: побриться, умыться, чайку вскипятить, супешку сварить.

– Хорошо, дядя Ефим.

Парень развернулся, чтобы уходить, а Ефим Егорович вслед крикнул:

– Да, Слава, вечером-то у тебя время будет?

– А что?

– Вечером зашёл бы, посидим, покалякаем.

– Ага, понятно, – улыбнулся Слава. – Опять у тебя день рождения, дядя Ефим?

– Опять, сынок.

– Сейчас прикину. – Слава несколько секунд молчал, затем заморгал глазами, словно силится чего-то вспомнить. Оживился. – Так, сегодня же пятница! Значит, так. Сегодня расклад такой будет: сначала баня – Зоя к вечеру истопит, а потом уж и день рождения твой справим.

Слава вышел, загремел флягой, протопал по гибким санным половицам, уехал. Золотой парень Слава! Всё-то у него легко, как бы шутя, вроде бы и не устаёт никогда. Вот, с водой, например. Раньше была водокачка, небольшая, но на посёлок хватало, а после она пришла в негодность, какие-то ухари за ночь разобрали её на металлолом и увезли. Слава горевал недолго: куда-то съездил, привёз трубу с фильтрами, пробурил на своём огороде скважину, поставил электронасос – и вот она, водичка. Слава с усмешкой пояснял:

– А кого сейчас дожидаться: власти нет, чужой дядя к тебе не придёт. А руки-то, вот они, всегда со мной. – И показывал свои мозолистые руки.

* * *

Сам Ефим был не местный, – судьба сюда закинула. И где он только не перебивал! Эх, судьба-судьбинушка, отчего же ты одних жалеешь, за плечики водишь, целуешь, ласкаешь, а других норовишь всё пинком под зад. Ефим, вспомнив шестидесятые годы, тяжело вздохнул. Тогда он со своей женой, Галиной, жил на южном Урале, шоферил в совхозе, растил троих детей и не подозревал, что совсем рядом бродит его беда.

Как-то раз во время уборочной страды бригадир попросил отвезти полторы тонны зерновых отходов своему родственнику в соседнюю деревню. Дело было уже к вечеру, Ефим устал и сначала отказал своему начальнику, ссылаясь на позднее время, на усталость и на то, что завтра снова рано вставать – страда ведь. А нужно было эти отходы ещё погрузить, отвезти, приехать назад, поставить грузовик в гараж. В общем, Ефим отнекивался, как только мог. Но бригадир так улещивал шофёра, – обещался заплатить за рейс по полному двойному тарифу, да, мол, ещё и родственники не поскупятся, – что Ефим не устоял. Правда, из осторожности попросил выписать путёвку и накладную на груз, чтобы всё по закону было. В те годы законы были строгие: за расхищение социалистической собственности давали такие срока, словно за убийство.

Бригадир выписал и путёвку и накладную на груз – всё честь по чести. Никакого подвоха Ефим не почуял. Ну, отвёз, одним словом. Родственники бригадира ему даже зелёную, трояк, сунули, вяленого пудового сома в мешковину завернули – в благодарность. Эх, знал бы Ефим, каким боком ему выйдет эта благодарность! А этого сома он всю жизнь потом помнил.

Да он бы тогда же свернул бы шею этому бригадиру, прямо на том месте, где тот его уговаривал пойти в этот треклятый рейс.

Прошла неделя. И вдруг заявляются к нему в дом милиционеры из района – двое. Оба при наганах. Один сержант милиции, а второй старший лейтенант. Вошли в избу, вежливо поздоровались:

– Здравствуйте.

В этот момент Ефим сидел как раз за столом – лапшу трескал. Перед этим рюмашку, как и положено после тяжёлого трудового дня, опрокинул. Буркнул в ответ, недовольный, что его отрывают от еды:

– Здравствуйте. А вы не заблудились?

– Да нет, Ефим Егорович, вряд ли. Ведь это вы Шереметьев?

– Ну, я. А в чём дело, товарищ старший лейтенант?

В этот момент со двора Галина вернулась, встревожилась:

– А что здесь происходит? – Не получив ответа от непрошенных гостей, повернула голову к мужу. – Ефим, может, ты скажешь.

– Да я и сам ничего не понимаю. Ты иди с ребятишками в светличку, мы тут сами разберёмся. Не волнуйся, Галя. Товарищи, видать, дверью ошиблись.

Когда ребятишки с женой затворились в соседней комнате, старлей сел без разрешения на стул, забросил ногу на ногу, обтянутые в синие галифе и сварливо ответил:

– Нет, Ефим Егорович, мы не ошиблись, органы просто так не приходят.

– Разобраться бы надо.

– Правильно, вот и давайте разберёмся. Скажите, ТВ 07 29, это номер вашей машины?

– Так точно, моей.

– А вы отвозили груз неделю назад в соседнюю деревню?

– Было такое, отвозил отходы.

– Отходы, говоришь.

– Да, отходы. Да вы можете по накладной проверить. В ней всё написано: груз, вес, подпись бригадира.

– Нет никакой накладной, проверили уже.

– Как, нет!

– А так, и нет.

– А вы бригадира спросите, он скажет.

– Спрашивали уже. Он утверждает, что никуда вас не посылал, никакую накладную не выписывал и путёвку на рейс не давал.

– Да как же так! Ведь врёт он, врёт самым наглым образом! – закричал в отчаянии Ефим. – Вы в бухгалтерии поищите, там они, бумажки-то, должны быть. Туда я их сдавал.

– И в бухгалтерии были, нет их там.

Ефим вспомнил: главным бухгалтером совхоза была жена бригадира, а учётчицей его племянница. Ефим охнул внутренним голосом, завопил. Только сейчас он всем нутром своим почувал, что дело принимает серьёзный оборот. Сердце захолонуло, по телу пробежала дрожь. Мысли скакали блохами. Ненужные какие-то, посторонние: сена так и не накопил, изгородь падает, баню не доделал, дров не привёз – всё некогда. Сейчас он старался припомнить, чем насолил бригадиру – ничем будто. За что же он так его подставил?

А старлей, пристально наблюдая за изменениями на лице Ефима, продолжал:

– За хищение государственной собственности в особо крупном размере, Ефим Егорович, знаете, что полагается? Зерна в государстве и так не хватает, а тут таким хищническим способом. Если каждый даже по горсти сворует, и то... А тут целый грузовик. Это надо же до такого додуматься: за трёшку да за сома.

– Подождите, подождите, какое зерно. Я же отходы отвозил!

– Да не отходы, а самое настоящее зерно.

– Вы хозяев спросите, они подтвердят! – цеплялся за последнюю щепочку Ефим. – Они-то не соврут.

– Конечно, не соврут, они уже всё рассказали. Зерно, пшеничку им привезли. Они своё тоже получают – не сомневайтесь. Так что, гражданин Шереметьев, собирайтесь, поедете с нами. Граф, понимаешь! – усмехнулся следователь.

Деревенская кличка «граф» к Ефиму прилепилась с тех пор, когда в их село как-то приехал лектор из общества «Знание», который читал лекцию про старый режим. В ней-то он и упомянул среди прочих и имя графа Шереметева, а кто-то из зала выкрикнул: «А у нас и свой граф есть, Ефимка Шереметьев». Народ посмеялся просто, а кличка так и прилипла.

Осудили Ефима на шесть лет, как говорится, на полную катушку. Дали бы, наверно, меньше, если бы судили в районном суде. Но суд сделали выездным, показательным, в его родном селе. Заседание проходило в клубе, прямо на сцене, где стоял длинный стол с накинута на него красной скатертью. За ним восседал судья, женщина лет сорока с сурово поджатыми губами и в траурном костюме, двое народных заседателей, слева от них за столиком устроилась секретарь судья, миловидная девушка со светлыми кудрями, а справа, на скамейке, сам Ефим, которого караулил милиционер. Всё честь по чести – как заядлого преступника.

Всё бы ничего, если бы не дополнение к приговору: лишить его, Ефима, всех фронтовых наград. Это было уж слишком: как, его, фронтовика, который за четыре года войны прошёл боевой путь от Москвы до Прибалтики, лишить заслуженных наград! Как он тогда кричал, как он проклинал и судью, и заседателей, и ещё кого-то – он уж и сам не помнил, кого, так был велик в нём гнев. Стыдно было перед односельчанами, ведь его опозорили перед народом ни за что, ни про что. Он видел, как в том же зале сидел бригадир, который выступал свидетелем, и шерился – сам-то он сухим из воды вылез. Вот гад ползучий!

Когда Ефима уводили в наручниках, к нему со слезами бросилась жена:

– Ефим, Ефимушка, что же ты наделал-то! Как же я теперь с тремя детьми? Что я делать буду, как кормить, растить!

Милиционеры её отталкивали от него, да так, что она в грязь упала. Он цыкнул на них:

– Что вы делаете, сволочи?! Видите – баба не в себе.

– Не положено, – ответил милиционер.

– А по-людски вы можете обращаться.

– Иди-иди, защитник нашёлся. Раньше надо было думать своей тупой головой.

Да его самого так турнули в спину, что он шагов пятнадцать по инерции кентавром проскакал, чтобы удержать равновесие да самому не упасть в лужу. А дальше по накатанной: пере-сылка, этап, зона. Тайгу не валил – бог миловал, определили на лесовоз. Галина, спасибо ей, письмами засыпала, как солдата новобранца. Зеки сначала над этим смеялись, а потом завидовать стали: чуть ли не каждый день по письму получал, и выходило, что он будто и села своего не покидал. Галина писала обо всём. Правды не утаишь, народ прознал, что бригадир на самом деле с Ефимом сделал, житья ему не стало. Среди презрения жить в деревне, что среди своры собак: если не одна, так другая укусит, если не за ногу, так со спины. Собрал бригадир вещички и куда-то укатил с семьёй. Оно так: уральский народ хоть и суровый, но справедливый.

Директор совхоза, спасибо ему, семью Ефима не бросил, помогал, чем мог: то дровишек выпишет по бросовой цене, то муки, то поросёнка хворого, будто списанного. Ефим даже взревновал: уж не завела ли шашни его жёнушка с этим председателем. Подробно прописала Галина и про то, как его награды конфисковывали. Пришли двое: один из военкомата, другой из милиции, потребовали награды Ефима. Галина – в пузырь: не отдам, я им не хозяйка, распорядиться не имею права, я не воевала, вот придёт, тогда и отбирайте. Так на неё так насели, что она от страха чуть под себя не наделала. Высыпала Галина на стол его награды, положила наградные удостоверения, Похвальные грамоты и благодарности от самого Верховного Глав-

нокомандующего товарища Сталина, даже талоны к боевым наградам, за которые после войны полагались денежные выплаты, и по которым давным-давно никто ничего не платил.

Отобрали только награды: гвардейский значок, медали «За боевые заслуги», «За участие в Великой Отечественной войне», «За оборону Москвы». Грамоты и талоны оставили. А когда стали проверять по наградным удостоверениям, спрашивают:

– А где медаль «За отвагу»?

Галина руки в сторону:

– Не знаю, все здесь, в этой коробке были.

Одним словом, всё описали и забрали с собой. Конечно, к такому повороту событий Ефим был готов: если есть решение суда, так, будь уверен, власти всё исполнят. После этого известия он даже в больничку слёг.

Вышел Ефим из зоны досрочно, после четырёх лет отсидки. После шестьдесят пятого года, когда Сергей Сергеевич Смирнов начал поднимать правду о великой войне, – а день Победы не праздновали с 1946 года, потому что великий вождь и кормчий советского народа решил совместить его с Новым годом, – о фронтовиках вновь вспомнили и по Указу правительства реабилитировали.

Ефиму радоваться бы – свобода, долгожданная свобода, которой любой эек радуется, как новому дню рождения, а он затомился, заскучал, приболел тоской. Это заметил его сосед по нарам, Иван Курягин, с которым они сблизились за эти годы, как можно сблизиться с чужим человеком, разделяющим одно горе и одни радости. Иван сидел, как он сам говорил, за убийство: приревновал жену и убил обоих: жену и её соблазнителя. Хотя пойми после их смерти, кто из них был соблазнителем: она или любовник. Вот Иван и спрашивает:

– Что с тобой, Ефим? Тебе бы радоваться – на свободу скоро, а ты как будто и не рад. Головёшкой ходишь.

– По свободе-то я рад, Ваня. А вот как подумаю, что мне в своё село возвращаться придётся, на душе тошно становится. Как я людям в глаза смотреть буду, ведь меня все там за вора почитают.

– Плюнь на это, Ефим, и разотри – мокрое пятно будет. Меня вот расстрелять за убийство грозились – пронесло, а я и этому рад – живой. Вон, солнышко светит, птички поют, люди грызутся – весело, вольно. Тайгу валю – и то хорошо. А чем бы я на воле занимался? Тоже тайгу бы валил, потому что я с детства, по батьке моему, лесоруб. И какая, ответь мне, разница?

– Эх, Ваня, сам себе я не виноватый. А люди? Людям не объяснишь – будут в харю тыкать: ты такой, да ты сякой. Нет, Ваня, не смогу я дома больше жить, уеду куда-нибудь к чёртовой матери.

– Куда ты уедешь?

– Да хоть на Камчатку. Там хоть и зверья больше, да они ласковее и справедливее людей. Если зверь загрызть тебя хочет, так понятно почему – голодный. А если он сыт, так стороной обходит. А люди... Люди – это твари поганые.

Иван вздохнул и протянул:

– Страсти.

– Чего страсти?

– Людей страсти губят, – пояснил Курягин. – У зверья этого нет. У них гон прошёл – и всё. – Иван оживился. – Я тебе вот что скажу: если надумаешь перебираться, поезжай на мою родину, на Волгу. Там хоть и нет таких лесов, как в тайге, но работа найдётся. В леспромхозе, где я работал, хороший директор, душа-человек, Виктор Семёнович. А ты лесовозчик вон какой опытный, по полторы нормы даёшь, у тебя за это одни поощрения. Да он тебя целовать будет. У тебя свой дом или что?

– Да какое там! Тоже две комнаты в бараке. Ведь под целинников тогда строили – времянки. Целину распахали, освоили, так сказать, а про жильё потом забыли. Правда, и школа, и детсад, и больница есть. А с жильём хреново.

– Ну, вот, чего тебе терять! – воскликнул Иван. – Как говорится, сбросил одни лапти, обул другие. Поезжай а ты.

– А жить, жить где? Я ж не один, у меня ещё четверо.

– С жильём проблемы не будет, Ефим. На нижнем складе бараки есть, а рабочих всегда не хватает. Если там жилья не найдётся, так на кордоне точно есть. А потом обживёшься, свой дом срубишь. Несколько лет поработаешь – и срубишь. Хочешь, письмо ему напишу? Он, Виктор Семёнович-то, меня уважал. Если за тебя попрошу, так будь спок! Ну, что писать письмо?

– Да ещё неизвестно, будет ли мне амнистия или нет. Да и Галина... Посоветоваться с ней надо.

– Как не быть амнистии. Это уж точно будет. Говорят, хозяин и списки уже в управление лагерей отправил. Там и твоя фамилия есть. Будь спок, готовься.

А что, и верно – долго ли русскому мужику лапти переобуть. Написал жене письмо: так, мол, и так, согласна ли на такое переустройство в жизни. Галина после недолгого раздумья согласилась, правда, поставила условие, что он устроится сначала сам, подыщет работу ей, а потом уж и они приедут. А то, мол, приедешь на голое место – не в палатке же жить.

Ефим освободился к зиме и сразу махнул на Волгу, в леспромхоз. Директор, Виктор Семёнович, и правда, встретил его с распростёртой душой, по-русски. Посидели за столом, выпили, чтобы душеньками поздороваться, чтобы, значит, сблизиться, узнать поближе друг дружку. Благо, было, что вспомнить. Виктор Семёнович тоже три года на войне отбухал, в артиллерии. Ногу ему в коленке перебило, хромал. Расспросил Ефима, что да как. Тот рассказал ему всё, как на духу выложил. А в конце разговора добавил:

– Вот и выходит, что я теперь и не фронтовик совсем, вроде, и не воевал. Даже награды, суки, отобрали.

– Да разве дело в наградах, Ефим Егорович, – возразил директор. – Дураки они.

– Кто?

– Кто-кто! Правительство, конечно. Одно дело – гражданская жизнь, война с немцем – это другое. Разве можно сваливать всё в одну кучу. Ну, нарушил человек закон, вольно или невольно это совершил, а награды-то причём. Нет, видно, хотели побольнее человеку сделать: вот, мол, тебе, а если ты ещё раз маху дашь, то и в слизняка превратим. Дураки! А у нас, брат, с тобой, как ни крути, ни разглядывай, две жизни: одна фронтовая, другая гражданская. Войну из души с наградами не вытряхнешь. Даже народ, и тот, когда что-то вспоминает, говорит: вот это до войны было, вот это в войну случилось, а вот это уже после войны. Война, это рубеж в жизни. Одни его взяли, другие – нет, – рассуждал Виктор Семёнович. – Вот ты думаешь, у нас с тобой только война общая. А вот и не так: – я тоже три года в зоне отсидел.

– Да что вы! И за что же?

– А хрен его знает, до сих пор и сам не знаю, за что. Уже после войны вспомнили, что наша дивизия в сорок втором в окружении была. Да, было такое дело. Но мы ведь тогда вырвались из кольца, к своим вернулись. Правда, нас не так много осталось, но ведь выжили же и вернулись. Потаскали нас тогда особисты, потаскали, допрашивали, записывали каждое слово. Потом всё же отпустили – видно, воевать было некому. А командира нашего полка отстранили от командования. Что с ним потом стало, до сих пор не знаю.

– А что же с вами-то после войны?

– Что. Вот то. Однажды пришли ко мне и давай выпытывать: «Было такое?» Было, говорю. Меня под ручки – и в тюрьму. Слава богу, Сталин сдох. По амнистии меня выпустили, а то бы все десять лет на зоне так и провёл.

Ефим про себя усмехнулся, вспомнив свои послевоенные мытарства: «Не ты один, Виктор Семёнович».

3

Председатель поселения Хеттэ только что вернулся из соседней деревни, где порвался газопровод, проходящий через речушку: обвалился берег, и трубу переломило. Пока приехали газовики, пока перекрыли газопровод, пока латали – целый день пролетел. А тут ещё пенсионер пришёл, Фёдор Терентьевич, который прождал его полдня. Сидит на стуле, мнёт шапку, через толстые линзы очков вглядывается в председателя, словно хочет что-то рассмотреть на его лице.

– Ну, что вам, Фёдор Терентьевич?

– Христареди, помогите, Виктор Герасимыч! Крышу-то нам подлатали, спаси вас Христос, теперь не проливает, а вот соседка наша, Дашка, курва, все помои в наш огород сливает. Да ещё смеётся: мол, это удобрения...

– А почему вы ко мне, а не к участковому обращаетесь?

Страдалец прижал руки вместе с шапкой к груди:

– Да мы обращались, но он нас слушать не хочет: мол, сами разбирайтесь. А как разбираться, мы слабые старики, а она, курва, вон какая кобыла, на ней штаны, как танковый чехол. Уж мы с ней...

Телефонный звонок прервал жалобщика.

– Да, слушаю, – ответил Виктор Герасимович, сняв трубку с аппарата.

Снова из района, из Совета ветеранов войны:

– Вы что же не отвечаете, Виктор Герасимыч? Как там насчёт участников битвы под Москвой? Вы нам важное патриотическое мероприятие срываете. К нам сам губернатор обещался приехать, как мы будем выглядеть, по-вашему.

– Погодите, погодите, Геннадий Фёдорович, да что вы на нас так жмёте, – оправдывался председатель. – Я зондировал этот вопрос. У нас не только москвичей, вообще фронтовиков не осталось.

В трубке долгое молчание, затем растерянный вопрос:

– Как так?

– А так, вообще не осталось. – И Виктор Герасимович стал перечислять пофамильно, куда делись последние фронтовики их поселения.

А председатель Совета ветеранов всё спрашивал:

– Как же так? А Тумаков? Мы с ним в этом году, весной, встречались.

Председателю снова пришлось повторять. На том конце провода долго молчали. Потом раздалось:

– Вот это да. И что же делать?

Хеттэ ответил:

– Так и объясните, тут уж ничего не поделаешь – вымирают фронтовики. Мы всё думаем, что они, и вы, конечно, Геннадий Фёдорович, – дай вам бог здоровья — вечные, а она, жизнь, вон как распоряжается.

На том конце молча положили трубку. Фёдор Терентьевич спросил:

– А чо это вы про фронтовиков-то?

Виктор Герасимович коротко объяснил.

Нефёд Терентьевич, забыв про Дашку-курву, оживился:

– Э, Виктор Герасимыч, нашёл, чему печалиться. Мы, старики, почитай, все фронтовики. В войну все пахали на победу так, что спин не разгибали. А бабы! Вот уж кто настоящие фронтовики! Как тогда писали-то: всё для фронта, всё для победы. Вот оно как. Они, почитай, и дома-то не бывали: то в поле, то на лесозаготовках, то шпалы ворочали, старухи

и те носки да варежки вязали, портянки кроили, шинели, шапки шили. Даже мы, мелкота, без дела не сидели. Летом на сеялках, на жнейках, лобогрейками назывались, стояли, на конных грабках сено и солому сгребали, в конюшнях с лошадьми управлялись, колоски собирали. Да ещё учились. – Терентьич помялся, улыбнулся. – Грешен, и подворовывали. А как без воровства, без этого паскудного дела тогда никак было не прожить. Картовку, морковку, свеклу, репу после вспашки собирали. А уж турнепс или свекла у нас вместо сахара шли. Обездчики нам кнутами спины да задницы грели, а мы всё равно шли – жрать-то хочется. – Старик спохватился: – Да, а как же с Дашкой-то, с соседкой нашей, а? Надо на неё управу какую-то найти. Вы уж пострашайте её, что ли, Виктор Герасимыч.

Слова Нефёда Терентьевича доходили до слуха поселкового главы, словно сквозь туман. Он вспомнил своего отца, полкового разведчика, грудь которого была увешана орденами. С тремя ранениями и двенадцатью так и не вынутыми осколками он работал наравне со всеми, о войне вспоминать не хотел, по всякому сторонился этих воспоминаний. Мать чувствовала, что он что-то держит в себе, мучается, мается, кричит во сне благим голосом. А перед смертью, которую он, проклятую, почувал заранее, отец разоткровенничался. Выпив стакан самогонки, он тихо, словно боясь вспугнуть свои воспоминания, рассказывал матери: «Настя, душа моя болит. Видно, не вылечить её уже. Всё хуже и хуже мне». – «А ты расскажи, расскажи, Гера, может, легче станет», – упрасивала мать. – «Ладно, слушай, может, и взаправду полегчает. Как-то, уже на территории Польши, ходили мы в разведку. Что разведке надо: дислокацию противника пронюхать да „языка“ хорошего взять. Дня три по тылам немцев ходили. И как-то так получилось, что мы снова с нашего фронта опять на передовую немцев нарвались. Мы-то думали, что мы уже к своим возвращаемся, успокоились. И вдруг прямо перед нами окопы – немецкие. Нас заметили, а не стреляют. Странно. И вдруг встают из окопов человек десять-пятнадцать, с автоматами – и на нас. Да немцы-то какие-то мелкие, орут чего-то, как пьяные, стреляют. Мы, конечно, отстреливаться, отползаем, нам никакой выгоды нет в бой ввязываться – нам к своим во что бы то ни стало вернуться надо. В общем, покروшили мы всех. У нас один убитый, татарин Феткулла Фахрутдинов, и двое раненых. На мне хоть бы царапина. Тут наши подмогли – видать, поняли, что нам туго. А когда рассматривать этих немцев стали, батюшки! Да ведь это же дети совсем, лет по четырнадцать-пятнадцать. А среди них две девчонки, одна даже беременная. А на руках у них номера. Двое ещё живых было, они и рассказали, что их немцы взяли из соседнего концлагеря, накормили, напоили, оружие дали и сказали, что если они постреляют, то отпустят домой».

Отец тогда надолго замолчал. Мать ему ещё самогону подлила, успокаивать стала: «Да что ж ты переживаешь – война ведь». А отец как заорёт: «Наши, наши это ребятишки были – русские! Понимаешь ты это? Выходит, я своих пострелял. Фашисты, гады, как заслон их использовали!» Тогда восьмилетний сын Витя слышал этот рассказ отца. А через два месяца отец угас – тихо, как и жил.

Оторвавшись от воспоминаний, Виктор Герасимович прошептал:

– Да, фронтовики. Разные они бывают.

Нефёд Терентьевич наострил уши:

– Фронтовики-то? Конечно, разные. Вот, я помню, в сороковых, не то в начале пятидесятых годов, к нам приехала семья хохлов. Домишко старый купили и жили. Так, хозяин-то тоже себя за фронтовика выдавал, даже медалью хвастался. А потом за ним пришли и в район отвезли.

– За что же его? – заинтересовался Виктор Герасимович.

– Так, предателем оказался или полицаем – точно уж не помню. Осудили его. Да, вот вспомнил, – оживился старик. – Кто-то мне говорил, что на третьем кордоне живёт какой-то старик, одинокий, слух идёт, что он тоже как будто воевал. Правда, сам не признаётся. Да о нём никто ничего толком не знает – так, сплетни бабские.

– Интересно, – оживился и Виктор Герасимович. – А почему не признаётся? Насколько я знаю, есть старики, которые и пороху не нюхали, а тоже всякими правдами и неправдами хотят во фронтовики записаться, чтобы льготы и жильё бесплатное получить.

– Да откуда я знаю. Может, тоже прошельга какой или полицай бывший. Говорят, что и сидел. Ведь мне уже под восемьдесят подкатывает, я в тридцатом родился, а старику этому, если он на фронте побывал, уже под девяносто должно быть.

– А как он к нам попал, откуда приехал?

Терентьевич замахал руками:

– Не знаю, ничего не знаю. – Он покрутил пальцами возле волосатого уха. – Бабы болтают. А откуда они про это знают? Известно, что у баб вместо титек да задних половинок тоже, будто, уши приделаны. А устроил на кордон этого старика будто бывший директор леспромхоза, который давно развалился. Правда, он три или четыре года назад, как помер.

– Интересно, очень интересно. Надо бы заглянуть на этот кордон, я там еще ни разу не был. – Виктор Герасимович вынул из стола папку, полистал её. – Так. Живут там семь человек. Игнашкины, Трухины, Шереметьев. Обязательно надо заглянуть.

– Так, вы поможете мне, Виктор Герасимыч? – напомнил Терентьевич.

– Насчёт чего?

– Да с соседкой нашей, курвой. Вы уж постращайте её, чтобы она помои на наш огород не сливала.

– Ладно, ладно, поговорю. Вы идите.

Придя домой, за щами Виктор рассказал жене про проблему с фронтовиками. И пожаловался:

– Вот, скоро праздник Победы, а его и встречать не с кем – вымирают фронтовики. Ну, какой без них праздник.

Та фыркнула:

– Народ давно подметил: пока есть к чему присосаться, будут и комары.

– Ты о чём это?

– А о том. Блокадники, дети войны, узники лагерей, те, кто под оккупацией был – всем им положены льготы. Я, конечно, понимаю – пострадали люди, страху натерпелись – пусть получают. Но ведь к ним примазывается всякая шелупонь.

– Откуда ты знаешь?

– Телик смотрю, газеты читаю. Это тебе всё некогда, вот и не знаешь ничего. Вот тут недавно по телику показывали. Получал один старик льготы, пенсию фронтовую, даже новую квартиру бесплатно от государства получить успел. А когда какой-то дотошный журналист копнул глубже, оказывается, он вовсе и не фронтовик.

Виктор Герасимович оторвался от лапши:

– Как это может быть?

– Эх, каким был ты наивным, таким и остался! – укорила жена. – «Как, как?» Когда-то он не то в сельсовете, не то в райисполкоме работал, справил себе липовый документ – что будто участвовал в боевых действиях на фронте. Даже медали себе на рынке купил, на разные собрания и торжества в честь праздника Победы ходил. Тут-то его, миленького, и прижучили через газету. Так, он червём извивался, чтобы фронтовую пенсию, льготы да квартиру не потерять. Конечно, кто же от такого жирного куска просто так отказывается!

– Не понимаю, – возразил Виктор, – как такое могло случиться. Ведь, прежде чем дать какие-то льготы, в инстанциях каждый документ под микроскопом изучают, перепроверяют, прежде чем принять окончательное решение. Это какую же чёрную совесть надо иметь, – возмутился муж, уже допивая чай, – чтобы примазаться к таким заслуженным людям! Я бы не смог, как после этого людям в глаза смотреть – от стыда сгореть можно.

– Ну, у таких людей ни совесть, ни стыд не возгораются – они у них тлеют головёшками и дыма не дают.

– А кто же он самом деле-то был? – спросил Виктор.

– Да будто бы заключённых в лагере охранял, – ответила жена и вдруг озарилась от мысли лицом: – Или вот ещё, не забыл? Помнишь Василия Борисовича Кукушкина? Ну, того самого, который кладовщиком работал?

– Помню, конечно, как не помнить – хороший мужик. И что?

– Так вот, он тоже фронтовиком стал, – выдала новость жена.

– Как же так, ведь он и по возрасту не подходит, в войну ему не то пятнадцать, не то шестнадцать лет было. Да и не слыхал я, чтобы он об этом говорил. Другие фронтовики каких только страстей про войну не рассказывали, а он... Да нет, не бахвалился никогда.

– Об этом мало кто и знал – это верно. Чего говорить – скромняга мужик, а он, оказывается, тоже воевал. Правда, на Северном флоте, этим, как его, молодым матросом.

– Юнгой, что ли?

– Во-во, юнгой. Вместе с одним писателем известным. Фамилию не помню – он тоже там служил. Да ты ещё книгу недавно читал, всё хвалил, про моряков.

– Пикуль, что ли? Валентин Пикуль?

– Точно, этот самый огурец! Навели справки в каком-то архиве – точно воевал. Медаль ему выдали, сейчас фронтовик. Вот оно как бывает.

– Ну, что ж, значит, заслужил мужик. А к чему про него рассказываешь?

– Как почему? Может, и в нашем поселении такой найдётся. Вот тебе и фронтовик, – выдала жена.

4

Вечером, после бани, Слава всё-таки зашёл к старику. Разделся, потер ладони:

– Ну, что, дядя Ефим, сейчас не грех и по граммулечке. За что пить будем?

– За мой день рождения, – ответил старик.

– Подожди, дядя Ефим, у тебя, вроде, день рождения в апреле. Ты же сам говорил. А мы с тобой, если я правильно помню, уже третий раз день рождения отмечаем.

– Вот поживёшь с моё, Слава, тогда и посчитаешь, сколько у тебя дней рождения. Они, дни-то эти, тоже разными бывают. Это не только, когда тебя мать родила, а иногда и судьба дарит тебе вторую, а то и третью жизнь. Да ты наливай, наливай, не стесняйся. У меня, конечно, деликатесов на закуску нет, но на перекус всегда чего-нибудь найдётся. Огурчики вон солёные, капуста, помидоры. Давай, давай, – торопил Ефим Егорович.

– А тебе, как – налить, дядя Ефим? Одному пить, да ещё за твой день рождения, как-то неловко.

– Плесни чуток в рюмочку. Пивок я плохой, а за этот день обязательно выпью.

Слава поднял рюмку:

– Ну, здоровья тебе, дядя Ефим, а остальное приложится.

Ефим Егорович сделал глоток, неторопливо зажевал хрусткой пряной капусткой и погрузился в воспоминания.

В сороковом году, когда ему подошёл срок идти в армию, военком сказал:

– Служить в Красной Армии – это почётная обязанность, а ты, Шереметьев, оказывается, подкулачник. Таким не место в рядах доблестных защитников нашей родины. А если война, так ты первый предашь, перейдёшь на сторону врага.

Ох, как хотелось Ефиму дать в морду этому усатому военкому или хотя бы плюнуть ему в глаза, но сдержался. Друзей-одногодков Ефима взяли без всяких яких, они были все из бедняцких семей. Обидно было, а с другой стороны – и наплевать, и без армии проживём. Успел Ефим окончить шофёрские курсы с отличием, даже поработать три месяца на пивза-

воде. А тут война. Когда наши войска как перекасти-поле под дуновением ветра покатались к Москве и Волге, не до разборчивости стало – брали всех подряд, разве что про калек забыли. Тут вспомнили и про Ефима. Усатый военком его будто бы и не узнал, заполнил какую-то карточку и буркнул:

– Иди, воюй, подкулачник хренов. Не забудь в четвёртый кабинет зайти.

В первые дни войны мобилизованных отправляли в том, в чём они прибыли на призывной пункт, а сейчас, полтора месяца спустя, сразу выдавали всю армейскую аммуницию. Выдали красноармейскую книжку, в которой жирным шрифтом было напечатано: «Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек – задерживать». Когда переодевались, выдали по списку вещевое имущество: пилотка – 1, гимнастёрка хл.-б. – 1, шаровары хл.-б. – 1, рубаха нательная – 2, кальсоны —1, полотенце – 1, ботинки —1, обмотки – 1, подшлемник – 1, ремень поясной —1 ремень брючный – 1, ранец (вещмешок) – 1.

Когда переодевались, один мужик спросил работника военкомата, который внимательно следил за переодеванием:

– Эй, старшина, а сапоги-то можно с собой взять? Я в сапогах пришёл, а тут обмотки дают.

– Не положено, – коротко, по-военному, отвечал старшина, хмурия брови.

– Как же не положено! Сапоги-то новые, яловые, помповая подошва, им сносу нет, а теперь оставь дяде.

– Не надо брать было, – ответил кто-то за старшину. – Кто поумнее, самую рвань надевал, а ты...

– Так что же делать-то, братцы? – стонал новобранец, вертя в руках свои сапоги. – Может, купит кто, а? Я ведь за них на базаре две овцы отдал.

Мужики острили:

– Вот если бы овцами, мы бы с огромным удовольствием взяли. Что ты жалеешь, дурень, мёртвую шкуру, тебе бы свою, живую, спасти. Да ты подари их, хоть старшине вон. Старшина, возьмёшь сапоги?

Старшина смущённо басил:

– Не положено.

– Да что ты заладил: не положено, да не положено. Сам, небось, понимаешь: что положено, то в котёл заложено. Нам бы пожрать дали, оголодали мы.

На этот раз старшина «не положено» не сказал, посмотрел на часы:

– Через два часа будем на станции, там, в столовке, вас и покормят.

– Ай, молодец старшина, а мы-то думали, что ты и знаешь только одно слово – не положено. Ты хоть скажи, куда нас повезут?

– Не положено, – снова пробасил старшина.

Новобранцы захохотали так, что стены красного уголка завибрировали.

Когда поезд на третьи сутки остановился на какой-то станции, один из призывников, глядя в окно «теплушки», удивлённо протянул:

– Э-э-э, братцы, да мы, кажется, к Москве приехали.

– А ты откуда знаешь, был, что ли здесь?

– Нет, не приходилось.

– С чего же тогда?

– А вы сами поглядите.

Все бросились кто к окошкам, кто к щелям. На станции творилось что-то невообразимое. Толпы народа атаквали кассы, кто-то сидел на кучке чемоданов, кто-то, одетый в такую жару в дорогие шубы и шапки, вытирал платками и полотенцами красные от жары и мокрые от пота лица. Кто-то из призывников крикнул:

– Точно, мужики, москвичи драпают. Вон, видите того, брылястого! Это артист, я его в кино видел.

– А вон ещё одна артисточка скачет, она песню пела, как она ни пяди земли родной не отдаст.

– А что они в шубах-то?

Кто-то с хохотком прокомментировал:

– Сам не понимаешь, – в чемоданах места не хватило, вот на себя и напялили.

Кто-то вздохнул:

– Хреново дело, мужики, видно, Москву отдают.

Все сразу притихли. Пожилой, лет сорока, мужик закурил самокрутку, покачал головой и сказал:

– Да, видно, нас засунут, как затычку в бочку.

– Неужели Москву-то, как Наполеону, отдадут?

– А что ты думаешь – против силы не попрёшь.

– Да, в кинах-то оно лучше воевать получалось – на чужой территории.

Вагоны с призывниками загнали в тупик около пакгаузов, загремели щеколды, двери распахнулись. Раздалась команда:

– Выходи! Строиться в две шеренги! Эй, раззява, ширинку застегни! Быстрее, быстрее, бараны колхозные! Равняйся! Смирно!

Вдоль строя пошли четверо кадровых военных. Один из них, в лётной форме, крикнул:

– Лётчики есть?

Строй лишь переглянулся, зашептался, но никто не вышел. Вдруг на правом фланге пропещал голос:

– Я лётчик, я летал.

– Выйти из строя.

Из строя вышел маленького роста паренёк лет восемнадцати.

– Ты? – удивлённо спросил летун.

– Да, я занимался в ОСОВИАХИМе, летал на планерах и даже два раза с парашютом выбрасывался. У меня и документы есть. – Он вынул из нагрудного кармана удостоверение и протянул лётчику. – Вот.

Лётчик посмотрел удостоверение, сказал:

– Хорошо, годишься. Кто ещё есть, связанный с авиацией?

Строй молчал. Настала очередь танкиста:

– Трактористы, механики, слесари, выйти из строя.

На этот раз из строя вышли десятка четыре.

– Хорошо, – пробурчал танкист. – Пойдёмте со мной.

– Шофера есть?

Шереметьев и вместе с ним человек двенадцать отправились за пакгаузы, а сзади доносилась:

– Радисты есть? Два шага вперёд. Конюха и коноводы есть? Два шага вперёд. Повара есть?

Ефим шёл и думал: «Эх, если бы я был поваром. Красота: всё время при кухне, сыт, в тепле». Но ему предстоял другой путь. На учебной базе, которая размещалась в заброшенном монастыре с церквями, им показали какие-то странные машины ЗИС-6 с рельсами на кузове, с бронированными кабинами, учили водить их по полигону, а на вопросы, зачем нужны эти рельсовозы, инструкторы неизменно отвечали:

– Это вам знать не положено, ваше дело научиться как следует водить машину. Ясно?

– Так точно!

О том, что творилось на фронтах, никто из курсантов реально не знал. «Попы», как за глаза называли комиссаров, на политзанятиях зачитывали им краткие сводки с передовой,

из которых узнавали, что в ходе тяжёлых и кровопролитных боёв на том или ином фронте бойцы Красной армии уничтожили и захватили в качестве трофеев определённое количество техники и вооружения. О пленных фашистах не говорилось ни слова, и курсанты понимали, что наши отступают, потому что пленных не бывает именно при оборонительных боях или при отступлении. Для поднятия боевого духа им сообщали о подвигах отдельных бойцов, которые сбили самолёт или подбили танк. И всё-таки по настроению командиров и комиссаров чувствовалось, что положение на фронтах было аховым, бродили слухи, что немец вот-вот возьмёт Москву.

Учёба проходила за толстенными и высокими кирпичными стенами, и никто не знал, что творится в мире за их пределами. Иногда до монастыря доносились звуки сирен, извещавших о воздушных налётах, и даже взрывы снарядов, но они были не пугающими, далёкими. Но однажды в школе всё зашевелилось: забегали командиры, комиссары, инструкторы и преподаватели; в школу зачастили торопливые напуганные проверяющие, и курсанты поняли, что им предстоит скорая отправка на фронт. Наскоро сколачивались расчёты, но никто ещё не знал толком, как и чем им предстоит воевать – каждый курсант изучал и отрабатывал только свою матчасть: шофера водили машины, заряжающие учились устанавливать на рельсы или, как их здесь называли, на скаты какие-то тяжёлые, трёхпудовые, металлические болванки, похожие на двухметровые брёвна.

В казарме царило тревожное, нервное ожидание. Разговорам не было конца.

- Интересно, парни, куда нас бросят: под Москву или подальше куда.
- Тебе-то какая разница, где умирать.
- Разница есть, если под столицей, то, вроде, почётней, что ли.
- Ты, гляди, Коля, как бы тебя не привлекли за пораженческие настроения.
- Дальше России всё равно не ушлиют.
- А если дырку между глаз сделают? Смотри!
- Скорее бы, что ли.
- Чего скорее-то?
- Да на фронт. Надоело тут вшей кормить.
- Дыши веселей, земля! Чего тебе надо: харчёвка нормальная, одет, обут.
- Говорят, завтра на полигон погонят.
- Откуда знаешь?
- Слышал. Расчётами работать будем.
- Вот, учат, учат нас, а я до сих пор толком не знаю, что это у нас за оружие.
- Секрет, брат. Ничего, скоро узнаем.

На полигон выехали с утра. Остановились в поле. Инструкторы читали наставления, правила техники безопасности. Наконец, долгожданная команда:

- По машинам! Расчёты, приготовиться к бою!

Шереметьев, как его учили, опустил на стекло броневой лист, в котором находились лишь две щёлочки – для водителя и командира, залез в кабину и стал напряжённо ждать. Он слышал только команды:

- Заряжай! Прицел! В укрытие!

В кабину влетел молоденький шуплый лейтенант Серков, который только что закончил краткосрочные командирские курсы, захлопнул дверцу, молодым баском спросил:

- Ну, что, Шереметьев, готов?
- Так точно – готов.

Хотя чего готов, шофёру по команде надо было всего лишь быстро покинуть позиции и следовать в том направлении, на какое укажет командир расчёта. Снова напряжённое ожидание. Наконец, долгожданная команда:

- Пли!

Серков врубил рубильник на панели, крутанул ручку магнето. Ефим ждал мгновенного звука выстрела, но машина сначала дрогнула, закачалась, что-то зашипело, в щиток и в капот ударил огромный клубок пламени с клубами чёрного дыма – казалось, что кто-то невидимый спереди брызнул на них из огнемёта. Послышался удаляющийся вой, словно заиграл орган. Шереметьева и Серкова невольно отбросило на спинки сидений. Ефим взглянул в прорезь и с удивлением увидел удаляющиеся огненные хвосты. Спросил командира:

– Что это, товарищ лейтенант?

Серков усмехнулся:

– Это, Шереметьев, новое оружие, которым мы будем громить фашистов. Чего ждёшь, направляющие уже убрали. Трогай!

Вечером курсанты оживлённо обсуждали первый боевой пуск.

– Ну, ребята, с нашими БээМами немец против нас не устоит.

– Не скажи: на каждую старуху всегда находится проруха.

– А силища какая!

– Чего-то я силищи никакой не почувствовал.

– Так, эрэсы без боезарядов были.

– Хорошо, что так, а то бы от нашего расчёта ничего не осталось.

– Почему?

– Так одна наша ракета почему-то не улетела, прямо перед самым носом упала. А если бы была с боезарядом да бабахнула бы, то – привет, прабабушка родная!

5

Октябрь выдался на удивление тёплым – припозднилось бабье лето. Леса вокруг монастыря ещё стояли в зелёном уборе, лишь кое-где подкрашенные багрянцем, желтизной и краснотой. Жители ближайшей деревни ещё собирали опят и обабков и приносили их ведрами к проходной, чтобы продать командирам на жарёху. Ещё выгоняли стада на пожелтевшую отаву. Казалось, осень прошла стороной, решив порадовать людей летним великолепием.

Однажды курсантов подняли среди ночи:

– Подъём! Боевая тревога!

Выехали. На этот раз колонна свернула не на полигон, как обычно, а в сторону Москвы. Шли без огней. Впереди грохотали трактора СТЗ-5-НАТИ, на которые тоже были навешены рельсы, за ними ЗИСы-6 и грузовики со снарядами и расчётами. Колонну сопровождали два лёгких танка и два отделения автоматчиков. Стало ясно, что дивизион выдвигается к фронту. Ефим ничего не спрашивал у Серкова – и так было всё понятно по его хмурому лицу. Командир расчёта нервничал, то и дело доставал из нагрудного кармана чью-то фотографию, включал в кабине фонарь, нарушая светомаскировку, и долго смотрел на девушку с вьющимися волосами. Шереметьев гадал: жена, невеста, а, может, мать или сестра. Серков ответил сам, спрятав фотографию, спросил:

– Скажите, Шереметьев, у вас есть невеста?

– Нет, товарищ лейтенант, не успел обзавестись.

– Это хорошо, – подытожил вдруг лейтенант.

– Почему?

– Если что случится, страдать будет некому.

– Да что же вы, товарищ лейтенант, заранее себя хороните.

– Да это я так, тоска что-то заела.

За несколько километров до Москвы колонна неожиданно свернула в лес и остановилась на большой поляне. Поступила команда – маскироваться. Расчёты рубили подлесок и накрывали им машины, хотя этого можно было и не делать, потому что над головой шумели от свежего ветра густые кроны деревьев. Снова тронулись в путь, когда спустились сумерки. Стало

понятно, что дивизион продвигается на позиции скрытно. На следующую ночь прокатился слушок: не пришли бензовозы. Шоферня загудела.

– В чём дело?

– Говорят, разбомбили.

– Да ну! Откуда знаешь?

– Командиры говорили. Только это предположение. Замдивизиона предположил, что колонну захватили немцы.

– Да ну! Что, фашисты уже так близко?

– Вон занукал! Говорю же – предположение.

Утром совсем недалеко, там, где располагалось охранение, раздались взрывы гранат и автоматные выстрелы. Все схватились за оружие и рассредоточились вокруг лагеря. Подрывники приготовились к самому худшему, чтобы в случае опасности уничтожить секретное оружие. Всё кончилось часа через два. Вернулся взвод охраны. Энкаведешник, командир отряда в звании капитана, грязно матерился – были потери: двое убитых и пятеро раненых. Оказывается, на охрану нарвался диверсионный отряд немцев из восьми человек. Пришлось повоевать. Взяли двоих пленных, остальных уничтожили. Солдаты смотрели на пленников, одетых в маскхалаты, – они впервые видели врага, что называется, лицом к лицу. На носилках принесли раненных бойцов, убитых, погрузили на грузовик и куда-то увезли. По дивизиону чёрным ветром пронёсся слух, что диверсанты охотились как раз за «Катюшами» – об этом рассказал один из пленных. Будто бы они же уничтожили и бензовозы.

Горячее привезли к вечеру, заправились и снова тронулись в путь. К вечеру же стало понятно, что они приближаются к фронту, даже сквозь вой моторов и лязг гусеничных траков были слышны грохот артиллерии, взрывы снарядов, воздух наполнился гарью от сгоревшей техники и запахом смерти. Дивизион взобрался на высоту и стал развёртываться и снаряжаться. Часам к двум ночи всё было готово. Кто мог заснуть, спали, а Ефим, хоть и уставший, не мог и глаз сомкнуть, как и заряжающий Тимофей Четвериков, который пристроился вместе с Шереметьевым в кабине. С Тимофеем, шупленьким мужичком лет двадцати пяти, который для солидности и придания весу своей персоне при разговоре всегда пытался растягивать слова и при своём небольшом росте как-то умудрялся смотреть на собеседника выше его на голову vysoko, он сдружился сразу. Вот и сейчас Тимофей шептал:

– Слушай, Ефимка, ты не боишься?

– А чего бояться, пальнём да уедем. Мне Серков сказал, до линии обороны километра три, а то и четыре.

– Всё же. Могут и самолёты налететь. Гадство, за себя как-то и не боязно, а вот как семья моя будет, если меня убьют. Ведь у меня жена, ребятшек трое.

– Ты когда настрогать-то их успел?

– Женился рано, так тятя захотел. Ведь мать-то моя в голод померла, а хозяйка в доме нужна была. Как же без хозяйки-то. Отец мой тоже к хозяйству непригодный, хромый он, одна нога не гнётся, ещё с империалистической. А левой руки вообще по локоть нет.

– Значит, тоже воевал?

– Ещё как! У него два Георгия. И ведь тоже с немцами. И до чего паскудный народ, эти немцы. И воюют, и воюют! Им чего, своей земли не хватает? Всю Европу захапали, так нет же – мало, подавай им ещё.

– Ну, народ-то тут причём, ему это надо? Правители воду мутят.

– Может, и так, только нам, солдатам, от этого не легче.

– Это правда.

Так, за разговором, они и прикорнули. Разбудил их Серков:

– А ну, полуночники, по местам! Быстро!

Серков сел рядом с Шереметьевым и глядел в боковое окошечко, часто поглядывая на командирские часы. Лицо его было бледным, глаза беспокойные, он постоянно сжимал и разжимал с хрустом пальцы – волновался. Всё же первый бой. Странно, но сам Ефим не волновался, положив руки на баранку, он смотрел в щель. Там, в котловине, куда им предстояло стрелять, всё заволочло туманом. Серое утреннее небо было ясное, с просверками угасающих звёздочек, и создавалось впечатление, что все облака как-то враз упали на землю, чтобы отдохнуть, а потом подняться и полететь дальше. Мокрые от росы деревья от тяжести опустили ветки, с которых капала роса.

Тревожное ожидание длилось с полчаса. Вот туман заворочался, поплыл в сторону, обнажая грешную Землю. Там, в долине, Ефим увидел большое село и перед ним две строчки окопов – передовая: наши и немцы. Видно было, что в них не спали. Иногда там и сям посверкивали огоньки выстрелов, фонариков. Серков снова посмотрел на часы, проворчал:

– Скоро, что ли.

И словно в подтверждение его желания раздалась команда:

– Дивизион, товсь! Огонь!

Соседние расчёты уже делали своё ратное дело: ракеты со страшным воем уходили в небо, затухая в его чёрными клубами дыма. Ефим, заведя мотор и глядя сквозь щель, ждал, когда вздрогнет и их машина, но она стояла, как вкопанная. Посмотрел на командира. Тот с трясущимися руками ещё возился с магнето. Забыв о субординации, Ефим закричал:

– Что же ты, чёрт! Крути давай! А то накроют. Ну!

Серков всё ещё возился, Ефим оттолкнул его плечом, включил рубильник и крутанул несколько раз ручку. Ракеты ушли. Он взглянул в щель: там, в долине, творилось что-то ужасное. На землю словно упали все молнии мира. Горело всё: машины, танки, избы, деревья, артиллерийские орудия, сама земля и даже маленькая речушка. Горящие люди факелами бегали по земле, ища спасения.

Ефим видел, как соседние расчёты уже свернулись и, развернувшись, уходили в тыл, чтобы спрятаться от ответного огня. Он включил заднюю скорость, чтобы развернуться. Слышал взвинченный голос Серкова:

– Быстрее, быстрее, Шереметьев!!! Уходим, уходим!!!

В этот момент сзади, а затем справа взметнулись мётлы взрывов – обстрел. Кабину закидало комьями земли. Ефим взглянул на Серкова. Тот сидел рядом, обмякнув и держась за правый бок.левой рукой почему-то расстёгивал кобуру, пытаясь вытащить пистолет. Не смог. Жалобно взглянул на водителя, попросил:

– Шереметьев, ты уж не говори никому, ладно.

– Да брось ты, командир, с кем не бывает. Сейчас нам уйти бы.

Ефим снова газанул. Машина шла тяжело, словно она во что-то упёрлась. Выскочил из кабины и сразу увидел, что все скаты с правой стороны пробиты. Спереди вилял пар – радиатору хана. Открыл дверцу с командирской стороны и сразу понял, что Серков мёртв. Непонятно зачем выволок его из кабины, повторяя:

– Сейчас, сейчас, лейтенант.

Из кустов выскочил Четвериков, подбежал.

– Ну, что, Ефимка, тикаем?

– А командир?

Тимофей склонился над Серковым:

– Да он же мёртвый.

– Расчёт где? – спросил Ефим.

– Не знаю. Когда бомбить начали, они в лесок побежали. Всё, всё, Ефимка, уходить надо! – кричал Тимофей.

– Машину оставлять нельзя, – ответил Ефим.

– Да чёрт с ней, с машиной!

– По инструкции, её взорвать надо. Нельзя оставлять. Секрет.

– Вот заладил, чёрт: инструкции, инструкции. Тебе это надо? Кто должен этим заниматься, ты что ли. Ладно, давай, только быстро.

Ефим достал из ящика катушку с проводом, приказал:

– Разматывай.

Концы присоединил к клеммам на ящике, в котором находился динамит, и побежал за Четвериковым, не забыв прихватить шинельную скатку, свой сидор и винтовку. Через несколько минут машина взлетела в воздух, а они побежали в лес. Тимофей на ходу спрашивал:

– Ефимка, ты знаешь, куда идти? А мы не заблудимся? Вот попали!

– Чего знать-то, – отвечал Ефим. – Видишь следы от СТЗ? По ним и пойдём.

– Ну и хват ты умом, Ефим, я бы не догадался.

Через час вышли к какому-то болоту, обрамлённому высоким забором камыша, мимо которого пролегла дорога. Решили отдохнуть и перекусить сухпаем. Легли за куртины густого орешника. Вскрыли консервы, нарезали хлеб. Перекусили. Тишина, будто и войны никакой нет, по сосне, за которой они сидят, белка стрекает, смотрит на них востренькими глазками – видно, дожидается, когда они уйдут, чтобы подобрать крошки. Ворчит одинокая лягушка, словно недовольна чем-то, тренькают синички. Красота! Вдруг издали послышался какой-то стрёкот. Похоже на звук мотора. Едет кто-то.

– Наши, – обрадовался Тимофей, встал, отряхивая крошки еды с шинели. – Пошли скорее, а то проедут мимо.

– Откуда ты знаешь, что наши, – засомневался Ефим.

– А кому же тут ещё быть, ведь мы в нашем тылу.

– Бережёного Бог бережёт, – отозвался Ефим. – Подождём немножко.

– Ну, ладно, – согласился Четвериков, снова лёг на пожухлую траву, достал сигарету, закурил.

Звуки моторов всё ближе. Шереметьев, стоя на коленях, прислушивался: нет, это не наши, не советские моторы. У них и звук выхлопа другой, и скорость вращения валов. Он быстро лёг рядом, выхватил из рук Тимофея сигарету и бросил её в воду.

– Ты чего, – начал возмущаться товарищ.

– Тише ты, чего орёшь. Не наши это – немцы. Если табак унюхают...

– Да ты што! Откуда они здесь?

– А ты Гитлера спроси. Заткнись!

Вот из-за кромки леса вырулил один мотоцикл, за ним второй, третий. По обмундированию, по каскам, по оружию в коляске сразу стало понятно – фашисты.

– Ё-ма! – шёпотом выругался по своему Тимофей, отчего к нему и прилепилась во взводе кличка Ёма. – И точно немцы. Вот мы попали, гадство! Чего делать будем?

– Чай с ними пить! – зло, с шипением, отозвался Ефим. – Подождём, когда проедут.

Не тут-то было: фашисты словно что-то почуяли, остановились, стали оглядываться, о чём-то совещаться.

– Видать, разведка, – не вытерпел Ёма. – Где же наши-то? Они, эти, – он кивнул в сторону мотоциклистов, – как в собственном доме разгуливают. Может, стрельнем, а? Пуганём их? Они и уедут. А мы этим временем до деревни проскочим.

– Ага, пуганёшь ты своей пукалкой. У них автоматы. Нашпигуют тебя свинцом, как колбасу шпиком, и дальше поедут. Подождём, может, наши появятся, тогда и подмогнём.

Вот мотоциклисты расселись по местам и поехали по дороге – как раз в ту сторону, где всего несколько часов тому назад стоял их дивизион.

– Уехали, – облегчённо вздохнул Четвериков. – Ну, что, Ефимка, пойдём, авось, проскочим.

– Давай, – согласился Шереметьев. – Не век же тут сидеть.

Кустами, вдоль болота, они прошли с полкилометра, когда снова услышали звук моторов и стрельбу. Редко татакали немецкие автоматы, им отвечали одиночные, звонкие винтовочные выстрелы. Залегли. Сквозь проредь кустарника увидели, как бегут четверо наших бойцов, отстреливаясь от автоматчиков.

– Суки! – прошипел Шереметьев и передёрнул затвор.

Выстрелил в автоматчика, промахнулся – не так-то легко попасть в двигающуюся мишень. Услышал, как Ёма тоже выстрелил. Один из автоматчиков упал.

– Попал, кажись, – равнодушно прокомментировал Тимофей.

Они видели, как трое бойцов полегли под автоматными очередями, а третий нёсся прямо на них. Зататакал пулемёт – ветки над их головой срезало, словно бритвой. Свинцовые птички чирикали посмертную песенку. Рядом с ними плюхнулся сержант, посмотрел на них, сквозь хриплое дыхание выхаркнул:

– Спасибо, братцы, подмогли. Я сразу понял – свои.

– Да чего уж, – отозвался Ефим. – Уж дело наше такое. Что делать-то будем.

– В болота, в болота уходить надо, – ответил сержант. – Не отобьёмся. У меня всего одна обойма осталась. До ночи отсидимся, а там как Бог даст.

Под пение свинцовых соловьёв они уходили по болоту всё дальше и дальше от берега, прячась в камышах и редких, заросших мелкодеревьём, островках. Захолодевшая вода доставала до самых кишок. Дрожащие от озноба, они, наконец, выбрались на островок, легли на сухую траву. Переобулись, выжав мокрые портянки. У сержанта из правого локтя сочилась кровь. Тимофей спросил:

– Ранило?

– Это я упал, когда тикали. Зацепился за что-то.

– Откуда идёте, товарищ сержант?

– Из окружения пробивались. – Сержант скрипнул зубами и выматерился. – Вот, пробилась. Всё отделение моё выбило. А вы кто, откуда?

Шереметьев коротко объяснил. Сержант оскалился:

– Выходит, это вы нам подмогали. Ну, братцы, я всякое за свою жизнь повидал, но такого никогда. Я видел самый настоящий ад на земле. Только, видите, не подмогло, уж больно огромная у них силища, а у нас одни винтовки, и те одна на троих.

– Звать-то тебя как, сержант? – спросил Ефим.

– Сергеем. Сергей Кубышкин я. А вас?

Они представились. Тимофей сказал:

– Вот что, сержант, ты у нас старший по званию, так что командуй, как по уставу положено. Что делать-то будем, а?

По тому, как скривился Кубышкин, было понятно, что командовать ему совсем не хотелось, но он ответил:

– Ладно. А делать... Выползай как-то надо из этого болота и к своим идти. Я думаю так: чем больше мы будем тут лежать, тем меньше у нас шансов отсюда выбраться.

– Почему?

– Ты что, не понимаешь, Четвериков! Думаю, немцы сюда не на день и не на два пришли, и с каждым днём пробиваться к нашим будет труднее. – Кубышкин пожевал свои обгорелые усы и добавил: – И предупреждаю: если к нашим попадём, то ни слова о том, что мы в окружении были. Говорите, мол, пробирались, вот и добрались.

– А почему не говорить-то? – спросил Шереметьев.

– Ты что, совсем дурак! Начнут по допросам таскать, спрашивать, подозревать. Не дай Бог, трусость пришьют или, что ещё хуже, сотрудничество с немцами. Расстреляют. Поняли? Слушайте, мужики, у вас пожарать есть что-нибудь, а то я почти сутки маковой росинки в рот

не брал. Перед боем есть почему-то не хотелось, а сидор свой я потерял – в окопе, наверно, завалило. Там все мои продовольственные припасы остались. Немцы, суки, наверно, жрут.

Поели сухарей с салом, рыбных консервов. Еда и усталость сморили их на несколько часов. Проснулись к вечеру. Кубышкин посмотрел на часы, предложил:

– Ну, что, выбираться надо. В ночь-то оно гоже. Немцы дрыхнуть будут. Я понимаю, нам идти направо надо, там, как я помню, деревушка какая-то стоит. Может, там наши.

– Ага, или немцы, – добавил Четвериков.

– Может, и немцы, – согласился сержант. – Там видно будет.

Последние лучи солнца сверкнули на медали сержанта. Ема пришёлкнул языком:

– Э, да ты, сержант, видать, бывалый. У тебя вон «За отвагу» грудь прикрывает.

Кубышкин вздохнул:

– Так уж вышло, что из одной войны – финской, да сразу в другую. – Он грязно выматерился. – Достали враги, со всех сторон лезут, гады. Ну, что, идти надо.

Стылая октябрьская ночь покрыла троих бойцов, но предательская тишина, в которой каждый шаг отзывался в воздухе плеском воды и чмоканьем болотной жижи, которые нарушали гармонию ночной природы. Часа через три, когда по открытой воде по пояс они подбирались к камышам, раздались выстрелы из автомата, и над их головами прошелестел рой пуль. Они присели в воду по самую шейку. Ефим прошептал:

– Интересно, кто это: немцы или наши?

Сержант не успокоил:

– Автомат немецкий, слышал? у него редкие выстрелы. Ладно, давай забирай правее, не стоят же они вокруг всего болота.

– Холодно, мужики, – простонал Ефим, лязгая зубами, чувствуя, что онемевшие губы и челюсть еле повинуются ему. – Вмёрзнем мы в это болото, мать её.

Но его уже никто не слушал, сержант и Четвериков забирали вправо, помогая себе гребками рук. Над головой вдруг загудел неизвестно откуда взявшийся ветер, заставляя скрипеть, шуметь высокие сосны и неся холод. Наконец, выбрались, к частому чапыжнику, прислушались – тихо.

– Выбрались мы или нет? – с дрожью в голосе спросил неизвестно кого Тимофей.

– Переодевайтесь в сухое, а то простудимся – сгинем, – приказал Кубышкин и метнулся в сторону. – Ждите, я скоро.

Ефим и Тимофей отжали галифе, шинели, вылили из сапог воду, намотали на ноги сменные портянки, потоптались, чтобы согреться. Продираясь сквозь кусты, вернулся запыхавшийся сержант, прохрипел:

– Нормально, мужики, поблизости никого нет. Везёт нам.

– Чего же везёт-то? – спросил Шереметьев.

– Деревня недалеко, километра четыре, дойдём – согреемся.

– Откуда знаешь – темень ведь?

– Собаки брешут, – коротко объяснил сержант.

Кубышкин тоже отжал одежду, переобулся и протянул им свою фляжку:

– Натё, сделайте по глоточку.

– Что это?

– Спирт, – ответил он и предупредил: – Только по глотку, а то развезёт.

Глотнув спирта, Ефим почувствовал, как по всему телу пробежало тепло, голова прояснилась, а ногам стало как будто легче. Видно, то же самое почувствовал и Тимофей, потому что улыбнулся и, крякнув, сказал:

– Ё-моё, добро, жить можно.

Пока добирались до деревни, два раза приникали к земле, потому что фашисты иногда постреливали. Звуки выстрелов доносились уже издалека, но одна из пуль всё же фьютькнула

совсем рядом, и, чтобы не нарваться на очередную шальную гостью, окруженцы прижались к родимой земле-спасительнице. Ветер усиливался, пошла снежная крупа, хлеща их по щекам. Вот и крайние избы деревушки, окружённые изгородями из жердей. Прошли огородом, посту- чались. Долго никто не отзывался, бойцы подумали, что дом брошенный, но в хлевах вздыхала скотина, гагачили потревоженные гуси. Наконец, кто-то через окно спросил:

– Ну, кого черти несут?

– Откройте, пожалуйста, хозяйюшка, пустите переночевать.

– И что за беда такая, хоть беги, – ответствовали изнутри. – Как что, так обязательно к нам, в крайнюю избу идуть. Кто хоть вы?

– Красноармейцы, к своим пробираемся.

– Надо было спросить, есть в деревне немцы или нет, – шепнул Тимофей.

– Да нет тут никого, – уверенно ответил сержант.

– Почему ты так думаешь?

– Хозяйка говорит уверенно, громко – непуганая ещё, значит, и немцев нет.

Щёлкнула щеколда, лязгнул металлический крючок.

– Входите.

В сенях их встретила женщина с керосиновой лампой в руке, косматая, неопределённого возраста.

– Да крючок за собой накиньте, – добавила она, зевая и входя из сеней в избу, откуда на непрошенных гостей пахнуло теплом.

Они вошли, огляделись – обыкновенная изба-пятистенка, каких на Руси миллионы: бож- ница в красном углу, две скамейки, полати, большой, сколоченный из досок, стол – видать, семья большая, два окошка с ситцевыми белыми занавесками, печь, с края которой свисали несколько пар ног. Хозяйка поставила лампу на стол, без лишних слов выбросила из закута несколько потрёпанных полушубков, тулуп и сказала:

– Устраивайтесь тут, у печки, не замёрзните. Места больше нет.

Поставила на стол три кружки, налила в них из глечика молока, отпахнула от ковриги ломоть:

– Вот, поешьте. Да не забудьте лампу задуть.

И ушла на вторую половину. Когда улеглись, Тимофей зашептал Ефиму:

– Видал, на крючке шинелка висит?

– Ну.

– Кто-то из наших тут есть.

– И что?

– Да так.

Тимофей бормотал что-то ещё, но Ефим его уже не слышал, он с полётом и кружением проваливался в сонную пропасть.

6

Разбудили его грубым торможением:

– Ефим, поднимайся!

– Ну, чего ещё?

– Немцы в деревню заехали, тикать надо. Вставай, вставай, – тормозил его Кубышкин. – А то возьмут нас тёпленькими.

Быстро оделись, вышли во двор. Мать честная – снегу навалило! Он лежал пуховым покровом, накрыв землю, дома, деревья белыми накидками. Зима! Радоваться бы, а радости не было. Не вовремя снег упал, потому что приходилось уходить огородами, полем, через овраг, к лесочку. Из деревни доносилось лязганье танковых траков, звуки моторов, мужской гогот и крики на незнакомом языке – немцы.

У Ефима было так погано на душе, что он и не заметил сначала, что в их группе появился четвёртый. Погано было оттого, что ему на своей же земле пришлось бежать и скрываться от чужих, пришлых, наглых и хорошо вооружённых. А что он мог сделать, какой отпор дать, если в его винтовке остался один патрон. Так погано он чувствовал себя лишь раз в жизни, когда в их дом пришли люди, свои же односельчане, описывали и отбирали нажитое за долгие годы имущество, а его дед, растерянный и бессильный, сидел за столом и в весёлом раже приговаривал:

– Берите, берите, всё берите! Не забудьте наволочку взять, она новая. В сарае старая уздечка висит, тоже берите. Она ссохлась, так вы её в рапе вымочите – как новая будет. Ай, молодцы!

А он, девятилетний Ефимка, стоял в дальнем углу и, наблюдая за страданиями бабушки, дедушки и матери, лишь в бессилье сжимал кулачки и губы, не зная, чем помочь.

И сейчас, вспомнив это, он тоже сжимал бесполезную винтовку и поджимал губы. Четвёртой оказалась сопливая девчонка, которая брела за сержантом, аккуратно подбирая ноги в новых сапогах. Выбрав момент, спросил у Тимофея:

– А это кто такая?

– Не знаю. Тебе-то какая разница. Наверно, тоже от части отстала.

Чем выше поднималось солнце, тем труднее становилось идти. Снежный пух постепенно превратился в скользкую кашу, а затем в грязь. Прошли лесок, а затем уткнулись в ленту дороги. Остановились. От всех четырёх клубами валил пар – и бани не надо.

– Теперь куда? – спросил Четвериков.

Все молчали, ответила только девушка:

– Я знаю. Если по этой дороге идти, как раз к железной дороге попадём, а по ней и до города доберёмся. Там наши должны быть.

– Откуда знаете? – спросил Кубышкин.

– Я же всё-таки курьер, – бойко ответила она, поправляя брезентовую сумку на боку. – Ехала с донесением.

– И как, доехала? – спросил сержант.

– Нет, не доехала – лошадь убили, – просто пояснила она. – Пошла пешком, а там, где часть должна быть, уже немцы. Вернулась.

– Ну, веди, если так, – согласился сержант.

По распутице прошли километра четыре, когда из-за мыска леса вывернулась машина, у которой сзади вместо колёс были гусеницы, за ней юзили два мотоцикла.

– Немцы! – ахнул сержант. – Давай, давай в лесок!

Но было поздно, немцы их тоже заметили, сначала остановились, дали очередь из пулемёта, затем ещё одну. Пули просвистели над головами. Окруженцы залегли. Сергей Кубышкин даже успел выстрелить два раза. Снова очередь в ответ. Тимофей прошептал:

– Всё, мужики, хана нам.

Ефим не стрелял, он и сам не знал, почему: то ли последнего патрона стало жалко, то ли по крестьянской привычке ждал исхода. Исход наступил, но очень странный: бронемашина, а следом за ней и мотоциклы развернулись и уехали прочь. Они ещё долго ждали, прижимаясь к земле.

– Что это было? – спросил неизвестно кого Тимофей.

– Не знаю, – ответил Ефим. – Эй, сержант, чего делать-то будем? – крикнул он в ту сторону, где поодаль лежал Кубышкин.

Тот ничего не ответил. Первой встала девчонка, неожиданно сильным, стальным голосом, каким от неё никто не ожидал, приказала:

– Всё, вставайте, уходить надо. Быстрее, быстрее, а то они могут вернуться.

Ефим встал, подошёл к сержанту, тронул того за плечо:

– Сергей, вставай.

Кубышкин лишь повернул голову, посмотрел на него мутными глазами, взял Ефима за грудки, что-то прошептал и отвалился. Подошли девушка и Тимофей. Тимофей спросил:

– Что с ним?

– Убили сержанта, – ответил Ефим и снял шапку.

– Вот те на, – почему-то удивился Четвериков, словно он был не на войне, а на прогулке. –

Что же делать-то? Похоронить надо.

– Вы что, с ума сошли! – зашипела девчонка. – Надо уходить отсюда.

– Тогда документы хоть взять.

Шереметьев расстегнул шинель сержанта, достал из нагрудного кармана документы, и они пошли. Ефим часто оглядывался на прижавшегося к холодной земле Кубышкина, словно ждал, что он тоже сейчас встанет и пойдёт следом за ними. Но сержант не поднимался. И хоть глаза его были закрыты, Ефиму казалось, что он с укором смотрит им вслед и говорит: «Что же вы, братцы, оставляете меня». Он сейчас раздумывал над последними словами сержанта и часто поглядывал на девчонку, бредущую впереди. В какой-то момент спросил:

– Эй, девушка, а где вы свою сумку-то потеряли?

Та остановилась, ойкнула и произнесла:

– Ой, потеряла! Ну, да ладно, в ней ничего важного уже не осталось. Пошли, пошли, я знаю, куда идти. Вы вот лучше скажите, что вам сержант-то сказал перед смертью.

Ефим вздохнул и ответил:

– А я, честно сказать, и не расслышал. Шептал что-то. Прощался, наверно.

Пока они шли до города, им ещё раз повстречались немцы. Эти тоже повели себя как-то странно: дали очередь поверх их голов, загоготали и уехали. Ефиму даже показалось, что это были те же самые немцы, которые стреляли в них в первый раз. Странные немцы. Да, здесь, конечно, не передовая, но ведь кто-то же должен был их шугануть хотя бы. А наших никого. У железной дороги линия окопов, и в них тоже никого. Бежали? От кого? Сразу видно, что здесь и боя-то не было. Передислоцировались? Куда? Одни вопросы, ответы на которые они получили сразу же, как только стали приближаться к городу. Они шли по лесной дороге, когда из кустов прозвучал зычный приказ:

– Стой! Кто идёт?

Они ещё по инерции двигались, когда прозвучало второе предупреждение:

– Я кому сказал – стоять! Руки вверх! Сложить оружие на землю!

Тимофей выронил свою винтовку ещё до этих слов, он стоял с поднятыми руками и пищал:

– Братцы, мы же свои.

– Вот сейчас и узнаем, какие вы свои, – последовало уточнение.

Шереметьев положил свою винтовку на землю и поднял руки, то же самое сделала и девчонка. Только после этого из кустов вышли пятеро: старшина с автоматом и четверо бойцов с винтовками. Ефим понял – боевое охранение. Их провели сквозь чащу на большую поляну и затолкали в палатку, где сидели двое: лейтенант лет двадцати, с тонкой, редкой щёткой усов, и старший лейтенант постарше.

Старлей спросил конвоира:

– Где их взяли?

– В лесу, товарищ старший лейтенант, у железной дороги.

– Документы проверили?

– Никак нет.

– Документы на стол, – строго приказали им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.